

6 АПР 1980

СТУДИЯ? НЕТ, ТЕАТР.

Стою в толпе у театрального подъезда, а точнее — у входа и подвал на улице Чапыгина, 5. Здесь помещается одна из студий ГИТИСа, которой руководит Олег Табаков.

Почему меня сюда так тянет? Почему мне хочется снова и снова очутиться в этом особом на театрально-помещенном без кулис и занавесей, с низким потолком, дощатыми полами и простыми скамьями, поставленным так вдоль стен, то на манер амфитеатра?

Да потому, что знаю: мне предстоит два часа общения с театром, который близок мне отнюденнее к жизни и отнюденнее к искусству. Но, пожалуй, главное, что влечет меня сюда, — это мера открытости театра, обнаженности его души. И не на этой ли открытости, думаю я, вырастает то, что называется открытием в искусстве?

Контакт. Разговор по душам. За ним и приходим мы в театральные студии, в их уютные комнатки, где все — от вешалки до декораций — сработано руками самих актеров. Нам нравятся юные актерские лица, свежесть чувств, пламенная самоотдача, молодая вера в себя. Нас подкупает отсутствие барьеров между залом и сценой. Мы — одно целое, у нас единое дыхание. Пафос бескорыстного служения искусству нигде не ощущим так физически осязаемо, как в студии.

Это лирическое отступление прямым образом отсылается к студии на улице Чапыгина. И она иная новизной лица — подчеркнуто неактерского и т. д. и т. п. Но только ли естественными красками ликующей молодости, палитрой одаренности пользуются студийцы? На этом ли держится их репутация? По-моему, уже сегодня, в канун выхода на самостоятельный путь в искусство, в канун выпуска, о студентах 4-го «Б» курса ГИТИСа можно говорить с надеждой. Кстати сказать, совсем не случайно вниманию известных режиссеров кино, некоторые ребята уже дебютировали на экране — успешно. Назову для примера отличный дуэт Ларисы Кувшиновой и Игоря Нефедова в фильме «Пять вечеров». Киноработы студийцев — факт биография студий в целом.

К чему я клоню? К тому, что в студии за несколько лет совместных студий, репетиций, активного «внеклассного» общения — об этом неусмысленно заботится художественный руководитель курса О. Табаков, даже каникулы студийцы проводят вместе — словом, за эти годы сложился коллектив с отчетливой этической позицией, со своей художественной программой.

Студия на улице Чапыгина — жизнеспособный, растущий художественный организм, любознательный по определенной методике. На все ушли годы. Мысль и чувство, театр представляется и театр переживается здесь не противостоят, но образуют естественный сплав.

Пластическое мастерство студийцев, техника владения своим телом, культура сценического движения — поразительны. Такое пластическое перевоплощение не требует ни грима, ни костюмов, когда в спектакле «Прощай, Маугли!» студийцы играют животных. Но спектакль силен не тем, что актеры в тренировочных трико очень похоже и остроумно играют зверей, их повадки и характеры. Страсти в спектакле человеческие, современные — вот что главное!

В образе Маугли (А. Смоляков) прочитывается близкая театру этическая версия личности. Высокая человечность — его способность ощутить чужую боль. Вот тезис, программный для спектакля. Для студии.

Итак, программность. Она была заложена в первый спектакль студийцев, спектакль почти двухлетней давности. Сам выбор материала уже был программой.

«...С весной я вернусь к тебе» — композиция А. Казанцева по роману Н. Островского

«Как закалялась сталь» плюс письма писателя разных лет.

Режиссеры В. Фокин и С. Сазонтьев трактуют Павла Корчагина как ключевую фигуру, отношение к которой выражает нравственную позицию личности — к своему времени, к революционной истории своей страны. Образ Корчагина (его играет В. Мищенко) в этом спектакле — образ рыцаря революции. Но — без хрестоматийного глянца.

Спектакль раскрывает реальный драматизм этой судьбы — героической, но не исключительной. Типичной. Ее пластический образ — безудержный молодой бег, переходящий в тающую поступь безнадежно больного, воспринимается как метафора человеческой жизни. А вопрос испуганного обывателя (есть в спектакле такой персонаж): «а жить-то когда?» — это полемически острый вопрос театра, обращенный в зал. В нем отчетливо слышится: как жить? На кого равняться?

Это первая для студийцев попытка психологической игры, где важным не типом, а индивидуальными характерами, где актеру дается максимум свободы и самостоятельности. В психологическом театре актер виден, как говорится, максимум.

Акцент на актера сделан и в спектакле по пьесе А. Володина «Две стрелы», поставленном О. Табаковым. Такая пьеса требует от актера не только умения, актерской техники, но и человеческой зрелости.

Когда шесть лет назад Табаков с коллегами организовал драмкружок, куда приняли сорок восемь 13-летних московских школьников, в театральных кулуарах говорили в основном о том, как кружковцы учатся стоять на голове. Что правда, то правда — и это было. Сегодняшние студийцы — из того кружка среди них осталось восемь — залпосто стоит на голове, с обезьяньей ловкостью прыгают, а в спектакле «Прощай, Маугли!» к общему восторгу самозабвенно, как гроздь бананов с пальмы. Истинный талант — одна из основ профессиональной подготовки курса. Все ребята в хорошей физической форме. И все-таки, как ни важно, как ни принципиально это достижение для культуры современного актера, надо отдать себе отчет в другом. В том, что студия на Чапыгина является собой итог эксперимента, заложенного шесть лет назад на базе института. Что этот итог стал фактом, получившим резонанс.

Пускаясь на этот эксперимент, его организаторы понимали, что имеют дело с детьми. И от них, от руководителей, едва ли не полностью занятой духовный, нравственный статус ребят, который должен был сложиться в результате. Стало быть, речь шла об атмосфере, о нравственном климате, о стиле общения — одним словом, о питательной среде, в которой происходит рост души, рождаются идеи, зреют замыслы. И — складываются будущие художники.

Конечно, была мечта о театре. Но было и трезвое знание, что театр рождается, как звезда. Всегда существует допуск, что она не родится. Не всплывает. Примерно такая модель была и здесь. Но театр — родился. У него отчетливая художественная программа. Хорошо подготовленные актеры. Опытные наставники, чья репутация в искусстве высока. Наконец, сложившаяся атмосфера — а как присутствия индивидуальностей и солидарного коллектива.

...В тот вечер студийцы играли «Маугли». Со скоростью конной лапы актеры вылетали и влетали в узкий дверной проем, и было страшно, что кто-нибудь ударится. Но и знала — такого не может быть, тут каждый шаг выверен, отмерен. В глубине коридора иногда появлялся Олег Павлович Табаков и беззвучно шептал что-то в диктофон, зажатый в ладою. Фиксировал ошибки. После спектакля, как всегда, будет разбор.

Е. СТИШОВА.